

„ГОЛОВОЛОМКА“

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

Лемми запаздывал, в трубке гудел голос шерифа, во дворе около кучи лома возилась ватага каких-то подозрительных парней — одним словом, я не мог уделить слишком много времени старику Дженкинсу.

— Мне нужен провод, — сказал он, — высокого качества, средних номеров и разных цветов. — И смущенно добавил: — Я не смогу заплатить, если это дорого...

— Пойдите и поищите сами, тогда обойдется дешевле. — Я не хотел спускать глаз с подозрительных парней. Дженкинс, потоптавшись, направился к складу.

Я прикрыл ладонью трубку телефона:

— Шериф? Это Джо. Очень сожалею, что заставил вас ждать. Что стряслось?

— Ничего, — спокойно ответил он, — по поводу налога. Цифры показывают, что ваш склад утиля расширился за последние годы, поэтому за вами числится кое-какой должок.

— Эй, подождите минутку! Если я использовал кусок заброшенного пустыря, то что же, с меня надо три шкуры драть?

Или вы хотите из-за этого «расширения» шантажировать меня?

— Полегче, Джо! Если вы можете оспорить повышение налога, заезжайте на следующей неделе, разберемся.

— Хорошо, — пообещал я. — Как семейство?

— Превосходно.

— А работа? Точило не причиняет хлопот?

— Нет, — отозвался он мягче, — но мне нужен более сильный мотор. Не подыщите ли что-нибудь подходящее?

— Ладно, посмотрю, — ответил я и повесил трубку.

Ватага во дворе продолжала беспокоить меня, я было двинулся к ней, когда на пороге наконец-то показался Лемми, мой помощник.

Я молча кивнул ему на подозрительных ребят и отправился на поиски старика Дженкинса. Тот копался среди всякогохлама.

— Нашли что нужно?

— Не совсем. — Он с усилием поднял бухту тяжелого провода в черной обмотке. — Это подходит по качеству и диаметру, но мне нужен провод разных цветов.

— Очень огорчен, но другого у меня нет, — ответил я, — а это очень важно?

— Да, для моего изобретения.

В Инглвуде каждый знал старика Дженкинса и слышал о его изобретении. Большинство частей для него было раскопано у меня среди старья, но если верить почтмейстерше, некоторые детали старик выписывал из Нью-Йорка. Единственная вещь, которую никто не знал достоверно: что же это за изобретение?

Я пожал плечами:

— Провод нужен для монтажа?

— Да.

— Тогда совсем не обязательно разные цвета. Достаточно покрасить концы. Сколько вам нужно?

— Тринадцать кусков, около шести футов длиной каждый.

— Давайте я вам нарежу, — предложил я. — Ну, а как поживает изобретение?

— Почти закончено, — сказал он с гордостью и тут же протестно: — Вы сможете одолжить мне это?

— Пожалуйста! — Цена была пустяковой, а я — любопытным.

— Я позову вас, Джо, как только все будет закончено, — пообещал старик Дженкинс. — У меня сейчас небольшие неприятности, и от миссис Мэрфи нет никакого покоя. Я дам вам знать, как только все будет готово к демонстрации.

Тут появился Лемми с какими-то вопросами, и в деловых хлопотах я забыл о старике Дженкинсе.

Дела заняли у меня и последующие несколько дней. У Маккилвуда я забрал вконец разбитое пианино — полтонны ржавого железа. У Пордюю нашел для шерифа подходящий мотор. И так одно за другим.

Дженкинс и его изобретение совсем улетучились у меня из памяти, когда в один прекрасный день Лемми сообщил, что мне звонили.

— Это был Дженкинс, — сказал он, — просил, чтобы вы немедленно зашли.

— Что-нибудь еще говорил?

— Нет, дескать, хочет показать вам кое-что.

— Хорошо, — ответил я, — подвезешь меня по пути к ферме Фентона. У Фентона есть кое-какой утиль для нас. Забери его и скажи, что насчет денег я взгляну позже. Понял?

— Конечно, — сказал Лемми и подмигнул. Я сделал вид, что ничего не заметил.

В подвале большого старого дома, в котором миссис Мэрфи содержала пансион, и жил Дженкинс. Он отозвался тотчас же, лишь я дотронулся до звонка, и увлек меня вниз по лестнице, словно опасаясь, что вот-вот на него кто-нибудь прыгнет.

— Это все из-за миссис Мэрфи, — объяснил он, закрыв дверь. — Она очень жестокая особа. Я ее страшно раздражаю тем, что двигаю мебель и сжигаю предохранители.

Дженкинс задумчиво уставился на носки своих ботинок.

— В общем она предложила мне убраться в конце недели.

— М-да, — посочувствовал я, — а вам есть куда переехать?

— Это очень накладное дело, — старик покачал головой, — но скоро я уже ни о чем не буду беспокоиться...

— Вы не должны этого делать! — Что-то в его доверительном тоне встревожило меня. — Вы еще не так стары, лучшая часть жизни у вас впереди. Вы совершите преступление, если поступите так!

— Вы о чем? — Дженкинс казался изумленным. Вдруг он рассмеялся: — А-а, понимаю, что вы имеете в виду. Не волнуйтесь, Джо, я не собираюсь кончать самоубийством. Я имел в виду совсем другое, — он подтолкнул меня во вторую комнату, — я имел в виду вот что! — И он показал на свое изобретение.

Это была самая нелепая штуковина, которую мне когда-либо доводилось видеть. Центральная часть ее напоминала раму от кровати, поставленную на попа. Рядом громоздился масса электрических приборов, соединенных с рамой множеством проводов. Они тянулись из чего-то, напоминающего распределительную головку.

— Я вам должен за эти провода, — сказал Дженкинс.

— Забудьте об этом, — я был слишком заинтересован, чтобы беспокоиться о пустяковой стоимости каких-то проводов. — Оно действует?

— Да, — Дженкинс дотронулся до своего сооружения так осторожно, словно прикасался к новорожденному. — Это работа всей жизни, и теперь она завершена, — сказал он с гордостью.

— А что оно может делать? — спросил я.

Дженкинс улыбнулся.

— Даже не знаю, Джо, как вам объяснить. Если скажу, что это дверь между физическими измерениями, поймете ли вы, о чем я говорю?

— Я ходил в школу, — сказал я натянуто, — и тоже умею читать.

Дженкинс помолчал. Потом ответил:

— Вообще-то я не хотел показывать, но я обещал вам. Кроме того, вы были добры ко мне тогда с проводами, да и вообще.

Он снова умолк. Затем продолжал:

— Вы знаете, Джо, что вся материя состоит из атомов. Электроны, позитроны, протоны и другие частицы атомов — все они плавают в пустоте. И пустоты много больше, чем частиц в ней, много больше. Каждый атом подобен миниатюрной солнечной системе с огромными пространствами между планетами. Понимаете?

— Конечно. Обо всем этом я уже читал в «Воскресном приложении».

— Хорошо, — продолжал Дженкинс, — много лет назад я подумал, что могут быть другие миры, подобные нашему, но как бы колеблющиеся, с отличной от нашего частотой. Это значит, что кажущаяся пустота атомов на самом деле вовсе не является пустотой, а содержит атомы материи другого рода. Вот я и решил построить что-нибудь, позволяющее предметам перемещаться из одного измерения в другое.

— Интересно. И это вам удалось?

— Да.

Дженкинс снова тронул рукой изобретение.

— Я добился своего. На это потребовались долгие годы и масса денег, но теперь я закончил. Я испытал изобретение, оно работает.

Я опять взглянул на сооружение. Ей-богу, оно казалось самой невероятной коллекцией утиля. Большинство «деталей» этой конструкции были мне хорошо знакомы, но некоторые, по-видимому, изготовлялись специально. Так, сеть, опутывающая раму, походила на стеклянное кружево.

— Это кварц, — сказал Дженкинс, заметив мое удивление. — У меня ушло пять лет, чтобы открыть способ получения длинных поляризованных кристаллов, необходимых для достижения определенной вибрации.

— Кварц? — Я не считал Дженкинса лжецом, но, насколько мне было известно, кварц не мог так выглядеть. Я подошел к сетке, чтобы разглядеть ее получше.

— Она образует зону вибрации, — объяснил Дженкинс. — Когда машина действует, различные части сетки существуют в обоих измерениях одновременно, поэтому через нее можно перейти из одного мира в другой.

— В самом деле? — я еще не был ни в чем убежден. — А как насчет демонстрации?

— Хорошо, — он несколько колебался, — но дело в том, что у меня неприятности с миссис Мэрфи из-за просроченных счетов на электричество; кроме того, предохранители не очень надежны...

— Но ведь нам не потребуется много времени? — я продолжал настаивать.

— Возможно. — Дженкинс чувствовал себя обязанным показать мне, как работает машина, и я знал это.

Он щелкнул несколькими рубильниками, и мы стали ждать. Как только в сеть пошел ток, беспорядочная груда электроприборов ровно загудела. Кварцевая сеть мгновенно раскали-

лась, неуловимо затрепетала, словно покрылась тончайшим пухом, и вдруг сквозь ее ячейки слабо замерцала картина...

Вначале я просто не поверил. Подошел к машине сбоку и усталился на стену за рамой. Это была самая обыкновенная стена, по крайней мере спереди. И все же я выглянул из нашего мира куда-то наружу.

Там виднелись деревья и холмистая равнина, на горизонте — очертания города. По небу проплывали какие-то предметы; я подумал, что это, должно быть, летательные аппараты, но сразу забыл о них, лишь только увидел людей.

Их было восемь: трое интересных мужчин и пять красивейших женщин. Они сидели на траве и вели себя, как в разгар пикника.

- Могут они видеть нас? — спросил я Дженкинса.
- Только если будут смотреть прямо в машину.
- А можем мы перейти к ним?
- Конечно.

Казалось, увиденного было достаточно, но что-то еще заставляло меня сомневаться даже сейчас. Я схватил первое, что попало под руку, — корзинку для бумаги, схватил ее и сунул в кварцевую сеть. В тот же миг корзина словно растворилась, и в следующую секунду погас свет. Зато тотчас откуда-то с лестницы послышалась истошная ругань миссис Мэрфи.

— Пробки сгорели, — шепнул мне Дженкинс, — чтобы провести предмет через машину, требуется много энергии.

Он выглядел очень напуганным.

— Знаете, Джо, будет лучше, если она не застанет вас здесь.

Я ненавижу скандалы, а в голосе миссис Мэрфи слышались нотки, которые убеждали, что Дженкинс желает мне только добра. Взглянув в последний раз на машину (никаких призна-

ков бесследно исчезнувшей корзинки для бумаг!), я поспешил уйти.

На складе меня ожидали неприятности. Фентон решил, что я его ограбил. Потребовалась масса времени, чтобы объяснить, почему упала цена на утиль.

Последующие дни также прошли в борьбе с налоговым инспектором. Я как раз отдавал кое-какие распоряжения Лемми, когда появилась миссис Мэрфи. Ждать она не собиралась.

— Я хочу, чтобы вы убрали весь хлам из этих проклятых комнат, — с вызовом заявила миссис Мэрфи.

— Дженкинса?

— А кого же еще?

— Но я думал, что он останется у вас до конца недели.

— Теперь уже этого не случится, — мрачно сказала она. —

У меня было твердое намерение напустить на него шерифа. Вы знаете, что натворил этот человек? Колдовал с пробками до тех пор, пока не сжег все провода в доме! Спасибо еще, что не сжег дом! Сколько вы дадите за его рухлядь?

— Подождите минуту! — Я предложил ей кресло, а сам лихорадочно обдумывал положение. Очевидно, Дженкинс возился с предохранителями не случайно. Я догадывался, что вызвало перегрузку сети.

— Вы не можете так просто распоряжаться его собственностью, — осторожно сказал я. — Как он к этому отнесется?

— Меня это не волнует, — ответила миссис Мэрфи, — он исчез.

— Исчез? — Моя догадка переросла в уверенность. — Но куда?

— Откуда мне знать? Он был дома вчера вечером, когда я отправилась в гости к своей сестре. Вернувшись, я уже не застала его.

Миссис Мэрфи плотно сжала тонкие губы.

— Если он пожелает подать на меня в суд, я согласна; но ему же будет хуже, я вам говорю. Я хочу очистить его комнату, и хочу это сделать немедленно. Так сколько вы дадите за весь хлам?

— Трудно сказать, — я пытался выиграть время. — Может, лучше перевезти пока все сюда и подождать немного, не вернется ли он. Если вернется, то сам заплатит вам долг, если нет, я продам все на комиссионных началах. Это оградит вас от суда да и даст больше денег.

Она размышляла минуту, потом кивнула головой.

— Хорошо. Только заберите этот мусор немедленно, иначе я обращусь к кому-нибудь другому.

— Все будет сделано, — быстро ответил я, потом спохватился. Налоговый инспектор мог вызвать меня в любой момент, но, с другой стороны, мне очень хотелось заполучить изобретение Дженкинса. Я подозвал Лемми.

— Отправляйся вместе с миссис Мэрфи, — сказал я ему, — забери машину, которую увидишь в подвале, и привези сюда.

Он кивнул.

— Хорошо. Можно ее сразу разломать?

— Боже упаси! — вскрикнул я, но тут же понизил голос: — Ни в коем случае ничего не ломай. Будь с ней очень осторожен. Просто привези ее сюда. Понял?

— Конечно! — он повернулся и пошел вслед за миссис Мэрфи.

Все утро я думал только об этом деле. Поэтому налоговому инспектору не стоило большого труда расправиться со мной. Я, конечно, возражал, доказывал, спорил, но он все-таки повысил налог на десять процентов. Расстроенный, я ушел на склад.

Было ясно, что произошло со стариком Дженкинсом. Он перегрузил сеть, чтобы перешагнуть в другой мир. Он уже не мог вернуться обратно и распорядиться судьбой своего изобретения. После того как я уплачу немного миссис Мэрфи, оно будет принадлежать мне, только мне!

Наконец вернулся Лемми. Раму, отсоединенную от других приборов, он поставил в конторе, а рядом свалил груды всякого электрического оборудования. Я схватил горсть проводов и... тупо уставился на тринадцать концов. Я смотрел на провода. Я смотрел на клеммы. Я смотрел на Лемми.

— Да, босс? Я все сделал аккуратно и осторожно, как вы и велели.

— Да, да, а теперь скажи мне, как были соединены эти провода?

— Что?

— Ты, мякинная голова! — простонал я. — Ты все разъединил! Какого черта?

— Я не мог увезти все в одном ящике, — недоуменно пробурчал Лемми, — я ничего не сломал, только отсоединил провода...

— Но почему ты не переметил их?! Как я теперь все это соединю?

— Я не знаю, хозяин, — Лемми отошел на шаг, — я не подумал об этом. А вы разве не знаете?

Я не знал...

Вот оно, одно из самых выдающихся изобретений со времени открытия колеса. Дверь в другой мир, вещь, которая могла бы сделать меня богатейшим человеком. Все, что для этого требуется, — соединить тринадцать проводов. Это просто, не так ли?

Не слишком. Тринадцать проводов можно соединить шестью миллионами всевозможных способов, и только один из них окажется правильным! Если работать непрерывно, для этого потребуется пара сотен лет! Но ведь я еще должен есть, спать, зарабатывать на жизнь! По самому оптимистическому подсчету, уйдет добрая тысяча лет. Я не думаю, что проживу столько.

Неужели Дженкинс не мог обойтись меньшим количеством проводов?

Сокращенный перевод с английского Т. ГЛАДКОВА

